

Альда Дио

Соль и
Вино

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д46

Редактор серии *Алина Литвинова*
Оформление серии *Екатерины Петровой*
Иллюстрация на переплете *Caramel Witch*

Дио, Альда.

Д46 Соль и вино : роман / Альда Дио. — Москва : Эксмо, 2026. — 544 с.

ISBN 978-5-04-243440-2

Добро пожаловать во Флоренцию — обитель пороков и соблазнов, где за маской благочестия скрываются опасные желания.

Клариче, единственная наследница тосканской винодельни, приезжает сюда, чтобы найти мужа и сохранить семейное дело. Но блистательная Флоренция быстро раскрывает свою истинную природу, затягивая ее в водоворот интриг.

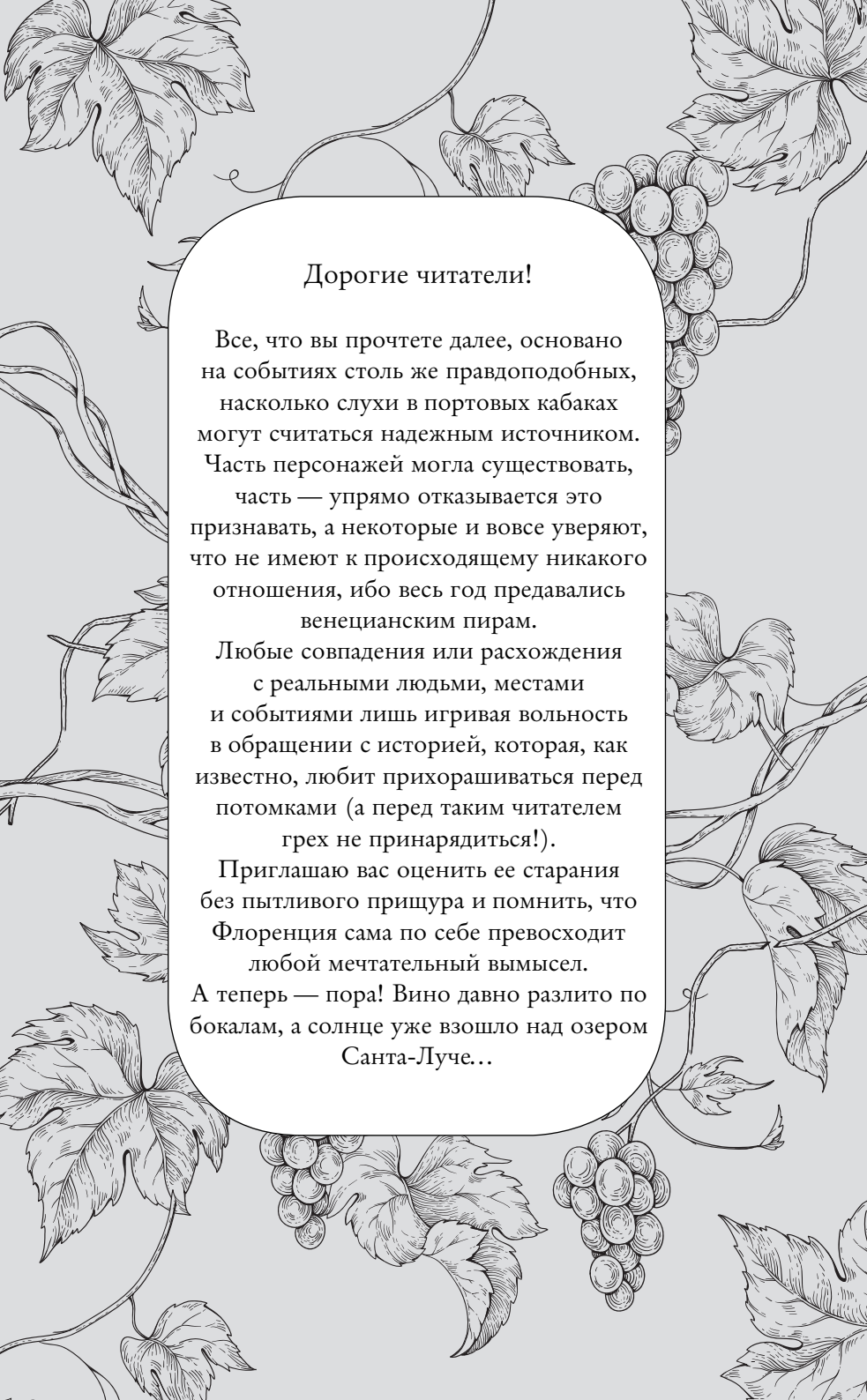
Среди претендентов на руку знатной донны — будущий священник и юноша, поразительно похожий на ее погибшего брата. Среди местных загадок — личность таинственного пирата, о котором шепчутся на каждом углу.

Когда тайны прошлого начинают всплывать одна за другой, Клариче понимает: за право распоряжаться своим будущим ей придется заплатить куда более высокую цену, чем она представляла...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243440-2

© Дио А., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

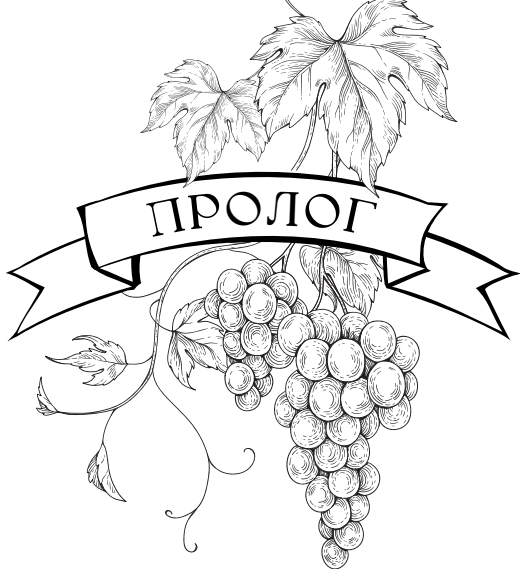

Дорогие читатели!

Все, что вы прочтете далее, основано на событиях столь же правдоподобных, насколько слухи в портовых кабаках могут считаться надежным источником. Часть персонажей могла существовать, часть — упрямо отказывается это признавать, а некоторые и вовсе уверяют, что не имеют к происходящему никакого отношения, ибо весь год предавались венецианским пирам.

Любые совпадения или расхождения с реальными людьми, местами и событиями лишь игривая вольность в обращении с историей, которая, как известно, любит прихорашиваться перед потомками (а перед таким читателем грех не принарядиться!).

Приглашаю вас оценить ее старания без пытливого прищура и помнить, что Флоренция сама по себе превосходит любой мечтательный вымысел. А теперь — пора! Вино давно разлито по бокалам, а солнце уже взошло над озером Санта-Луче...

ТОСКАНА, XVI ВЕК

Солнце...

Солнце было столь ярким в тот день!

Зеленые холмы Тосканы подставляли ему бока, чтобы румянить крупные ягоды винограда, и оно щедро поливало их лучами — так же щедро, как местная кухарка сдарила картофельную фокаччу оливковым маслом.

Именно оно стекало с губ донны Висконти: смачно причмокивая, мать семейства уплетала лепешки с таким удовольствием, что платье, уличный столик, тонкие пальцы и даже грива черных кудрей — все было в оливковом масле.

Хоть синьора не питала любви к тяжелой пище, нынче, в ожидании четвертого ребенка, ей казалось, что она сможет проглотить фокаччу размером с озеро Санта-Луче, где семья Висконти и решила провести тот жаркий день.

— Будет мальчик, — шепнул синьор Висконти, завороченно вытирая пальцы жены. — Неуемный аппетит в такую удушливую жару — подобное было, только когда ты носила Лоренцо, любовь моя.

— Господь слышит твою волю, Марко, но... Как же жарко... Будет девочка. Я чувствую это. — Синьора с тя-

желым вдохом запрокинула голову, и кудри скользнули по спинке стула упругими змейками. — Оно и к лучшему. В моем сердце не осталось места для еще одного сына — не могу представить, что сумею полюбить его так же сильно, как Лоренцо и Антонио.

— Я буду счастлив любому исходу, но... дело Висконти процветает, виноградники плодоносят, Господь благоволит нам, ибо даже французы стали закупать наши вина, что уж говорить о Венеции и Риме. Нам нужно много наследников. — Он припал к ее пальцам жадным поцелуем, из-за чего и на его усах заблестело оливковое масло.

— Вот и рожай их сам, — усмехнулась синьора Висконти. — Не хочу быть как бабушка. Или прабабушка. Или прапрабабушка, или... В общем, хватит с меня и четвертой беременности.

Она погладила округлившийся живот. Всякий раз, будучи на сносях, синьора клятвенно обещалась: этот ребенок — последний, и всякий раз забывала свою клятву в тот же миг, как новорожденное дитя касалось ее груди.

— Неужели отринешь величайший дар? Во всей Европе едва ли сыщется род более плодovitый, чем твой, любовь моя!

— А что толку?

— Как что? Милость Божья! Лоза без винограда лишь хрупкая ветвь, но чем больше она плодоносит, тем крепче становится. Я знаю, о чем говорю, раз уж Господь не дал мне братьев и сестер. И, помимо Божьей милости, большая семья — это большое влияние.

— Какое влияние? — устало протянула синьора, не открывая глаз. Духота вкупе с плотным обедом так утомили ее, что даже на споры с мужем не осталось сил. — Когда родных сестер и братьев нет, а двоюродных и троюродных больше двух десятков, даже их имен не упомнишь, не то что положения дел. Ты видел, чтобы я держала связь с кем-либо из своей многочисленной родни? С Джулиа-

ной разве что, упокой Господь ее душу, и с этим варваром Алонзо, который, должно быть, уж и сам давно почил... Нет, у моих детей все будет иначе. Два прекрасных брата, Лоренцо и Антонио, и две сестры — Клариче и... — Она задумчиво погладила живот.

— Позволь назвать в твою честь, если будет дочь. Мадалена. — Имя жены Марко выдохнул с трепетом.

— Ну уж нет! Мы закончили это обсуждение после рождения Клариче. Мадалена в роду должна быть одна — единственная и неповторимая, мать Лоренцо Великого, что принесет роду Висконти процветание и распространит его влияние далеко за море.

— Амбиции — путь к звездам. Главное, чтобы они не шли наперекор разуму. — Добродушный тон Джованни Висконти — отца Марко и свекра Мадалены — смягчил мудрые слова.

Водрузив на стол графин рубинового вина, дедушка сел подле детей.

— Лоренцо — славный мальчик, — сказал Джованни, разливая прохладный напиток. — Но у него нет моего носа, Мадалена. Нет нюха.

— Вы только и знаете, что твердить о своем носе! — вспыхнула невестка. — Мальчику всего семь, но он сообразителен и активен не по годам, ласковый, добрый, воспитанный! Лучший наследник, какого можно желать! Откроется в нем знаменитый нюх Джованни Висконти, только позже! Всему нужно время!

Джованни не ответил, но позволил себе несогласно хмыкнуть в седые усы.

Годы были милосердны к дедушке Висконти — к почтенному возрасту он сохранил завидное здоровье, чтобы видеть, как растут внуки и процветает винодельня. Все в его жизни сложилось благополучно, и всем он на старости лет был доволен, кроме одного.

Его сыну не передался нюх.

Нюх рода Висконти, о котором слагали легенды по всему Риму, которому удивлялся даже отец Святой Церкви, не достался Марко. Марко не мог определять сторону склона, на которой вырос виноград, по одному лишь запаху. Марко не умел высчитывать необходимые для брожения месяцы по аромату виноградной кожицы, растертой меж пальцев. Марко не мог с закрытыми глазами определить, в какой бочке выдерживалось вино. Да, Марко был безупречным счетоводом и образцовым семьянином, но... Для винодельни этого недостаточно. Джованни знал это. Быть может, поэтому здоровье его оставалось столь крепким в пожилых годах — дедушка Висконти отказывался отходить от дел, не видя достойной замены. Зато он ясно видел, что и старшего внука — Лоренцо, любимца Маддалены — семейный дар обошел стороной.

— Что ж, с именем решим позже, — сказала невестка, отвлекая дедушку от размышлений. — Главное, чтобы девочка получилась такой же симпатичной и кроткой, как и ее сестра.

В тот же миг, как Клариче окрестили кроткой, ее пронзительный визг сотряс весь берег озера Санта-Луче.

— А-а-а! Не успел дотронуться, Антонио, не успел! Лоренцо! Лоре-е-енцо!

Позади дома, там, где цвели пышные сады и всегда пахло лимонными деревьями, разворачивалась совершенно иная картина.

Единым ворохом сбегали с холма трое резвых детей в самом неблагопристойном виде.

Старший, Лоренцо, с ног до головы был запачкан темным соком — он знал виноградники лучше всех, а потому легко прятался там от брата и сестры. Платье Клариче пестрило зелеными и бурыми пятнами — девочка скрывалась за кустами, припадая к земле, — черные волосы растрепались и теперь хаотичным облаком оттеняли светлую кожу. Рубаха младшего, Антонио, и вовсе была порвана

по шву рукава — так отчаянно он тянулся сквозь колючие веточки, чтобы запятнать сестру. Со всех троих ручьями стекал пот, дыхание вырывалось из груди прерывисто, ибо бегать по жаре да при таком солнце — занятие не из легких.

— Он не коснулся меня! Он должен водить! — пожаловалась Клариче старшему брату. — Скажи ему, Лоренцо!

— Дотронулся, еще как! Да я тебя из кустов вытянул!

— Хватит кричать, не то родители услышат, — шикнул Лоренцо. На правах старшего он часто судил детские распри и старался быть не по возрасту справедливым. — Коли вы по-разному говорите, а я вас не видел, водить будет тот, кто еще этого не делал. Согласна, Клариче?

Девочка недовольно поджала губки. Прятаться ей нравилось гораздо больше, чем искать, но раз ее любимое место в кустах обнаружили...

— Хорошо, так и быть. Но чур в виноград не лезть, Лоренцо, меня папа ругает, если туда хожу!

Хоть Клариче и полагала, что отец делает это исключительно из вредности, на самом же деле малышка могла так легко затеряться в лабиринтах ароматных лоз, что искать ее пришлось бы всем домом.

— Договорились, — подмигнул брат, и Клариче отвернулась, закрыв глаза ладошками.

— Один, два, три...

Дети с топотом разбежались врозь.

Лучи солнца, наблюдавшего за их играми, поблескивали на детских макушках. Они тянулись сквозь тенистые заросли лимонных деревьев и сочную зелень садов, где решил укрыться Антонио, и проследовали за Лоренцо, чья фигурка успела добежать до берега Санта-Луче. Малыш завертел головой в поисках укрытия — деревьев, выступов или валунов, но берег был гладок и чист, единственная липа — тонка, а сестра уже заканчивала отсчет.

Где бы спрятаться? И чтобы Клариче не нашла, и чтобы не сжариться без тени... Мальчик сморгнул пот, стекающий на ресницы.

Солнце.

Солнце было столь ярким в тот день.

Оно подсвечивало прохладные воды озера. Танцевало на его ряби зазорными искорками, вспыхивая у ног старшего сына Висконти, когда тот разувался. Тянулось лучами в лазурные глубины, манило его туда — в ослепительную прохладу, обещающую освобождение от жары летнего дня.

Сестра никогда не найдет его здесь.

— Десять! Я иду искать!

Лоренцо ускорил шаг, погружаясь в прохладную воду. Она так заботливо остужала, так ласково обнимала тоненькие колени, ребра, плечи, шею... Набрав в грудь воздуха, он погрузил в воду и голову, которую успело напечь беспощадное солнце. Озеро поглотило его.

— Лоренцо? Лоренцо, ты тут?

Даже под толщей воды голосок сестры прозвучал пугающе громко. Перестав чувствовать под ногами дно, Лоренцо нырнул глубже — туда, где даже сквозь прозрачные воды Клариче его не увидит.

И Клариче не увидела.

Не увидела ни удаляющейся фигурки брата, ни спрятанных за липой сандалий, а потому, не удостоив искрящуюся гладь и взглядом, прошла дальше — в обход белокаменного дома.

Ее туфельки приминали траву, стучали по брусчатой дорожке, неслись по гранитным ступеням, огибали родительский стол, бежали все дальше, и дальше, и дальше... Пока, сделав круг, не вернулись к садам. Отчаянье поднималось все выше в детской груди, и Клариче была готова расплакаться от беспомощности — прошло столько времени, а она так никого и не нашла! Девочка вновь пробежалась мимо ухоженных клумб и ветвистых кустов, еще раз

вдохнула свежий запах лимонов, прокричала имена братьев, но не услышала ответа.

Только всплеск воды. Резкий, раздирающий знойный воздух всплеск.

— Ага! Я слышу! Слышу вас!

Волнение тут же вспорхнуло с плеч, и Клариче пустилась к озеру Санта-Луче. Всплески еще несколько секунд звучали в такт ее бегу, пока совсем не стихли.

— Я все слышала! Я сейчас... сейчас найду! — запыхавшись, кричала она. — Антонио! Лоренцо! Я слышала! Я...

Туфельки замерли на тонкой полоске песчаного берега, отделяющего траву от озерной глади.

Клариче прищурилась и прикрыла глаза ладошкой, отгораживаясь от всевидящего солнца.

Оно было столь ярким в тот день.

Столь ярким, что всплывший над водой затылок светился в его лучах золотым нимбом.

— Лоренцо! Лоренцо?..

Брат не отвечал.

Что-то неестественное, незнакомое сковало ее тело. Клариче вдруг стало так холодно, как если бы солнце и во все никогда не обращалось к холмам Тосканы, как если бы это она лежала в озерных водах лицом вниз. Но то не она лежала. Это был ее брат. Лоренцо — старший наследник и любимец ее матери. Он лежал, недвижимый и промокший, а пара его сандаликов продолжала одиноко стоять подле тонкой липы.

Оглушительный, страшный вопль пронзил берег озера Санта-Луче в тот день.

В день, когда столь ярко светило солнце.

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Густой запах винных погребов был мне милее всего. Сладковатый, тяжелый и дурмящий, он убаюкивал, даровал ощущение спокойствия и мира. Здесь, под низким сводчатым потолком, в полумраке, рассеиваемом лишь редкими огоньками свечей, я была на своем месте.

На винодельне. Дома.

Если бы не два десятка испуганных рабочих, было бы совсем славно — мужчины портили аромат погребов, примешивая к нему соленый запах пота и мешковины. На миг мне показалось, что даже их страх пахнет чем-то кислым, а потому решила покончить с проверкой скорее.

Я подняла свечу вровень с бокалом, чтобы оценить цвет вина.

Темно-рубиновый. Прозрачный. Глубокий. Как и должен быть. Запах... Насыщенный. Тяжелый. Как и должен быть. Вкус...

— Мне показалось, что брунелло горчит, мадонна.

Голос Паоло разрезал напряженную тишину. Из всех рабочих только виноградарю хватало смелости глядеть на меня прямо; оно и неудивительно — для остальных я была

хозяйкой, негласной «принцессой Тосканы», а для Паоло все еще оставалась малышкой, которую дедушка когда-то привел на винодельню за ручку.

— С ягодами не было проблем — «санджовезе» собрали в срок с солнечной стороны холма, до отжима вкус был отменный, — отчитался виноградарь.

Я не сомневалась в правдивости его слов. Не только из-за долгих лет службы, но и потому, что он знал: мой нос невозможно провести.

Головы рабочих поднялись в нервном нетерпении, когда я сделала небольшой глоток. Напиток в ту же секунду благодарно раскрыл свой букет, и я подалась ему навстречу.

Ну здравствуй, милый брунелло!

Он закружил меня в яркой вишне — свежей, как весенний дождь, и кислой, как первые ягоды, собранные до поры созревания. Взрывался крошечными искорками радости и предвкушения мягкого послевкусия. Я прокатила вино на языке — цветы, слива... Сладкая, возможно, чуть больше, чем необходимо, но допустимо для озорника брунелло. Я провела языком по нёбу, а затем слегка постучала по нему, впитывая глубину напитка.

С крепостью все в порядке, с консистенцией — тоже. Но вкус...

Стоило проглотить вино и ощутить послевкусие во рту, как открылось нечто инородное. Нечто странно-соленое, холодное и...

Железное?..

Взгляд вспыхнул над ободком бокала озлобленной молнией. Мужчины замерли, но боязливый вздох все равно пустился по рядам беспокойной рябью — десятки рослых мужиков трепетали пред вердиктом хозяйки.

Бокал опустился на стол с резким стуком. Я взглянула на Паоло, и он понял без слов — протянул листок, исписанный косым почерком. Список драгоценных вин, кото-

